

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ

ДЕБРИ

Литрес

Алексей Иванов

Дебри

«ИП Алексей Иванов»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Иванов А. В.

Дебри / А. В. Иванов — «ИП Алексей Иванов», 2017

ISBN 978-5-17-103079-7

Роман Алексея Иванова «Тобол» рассказывает о петровской эпохе в истории Сибири. В романе множество сюжетных линий. Губернатор перестраивает Сибирь из воеводской в имперскую. Зодчий возводит кремль. Митрополит ищет идола в чудотворной кольчуге Ермака. Пленный шведский офицер тайно составляет карту Оби. Бухарский купец налаживает сбыт нелегальной пушнины. Беглые раскольники готовят массовое самосожжение. Шаман насылает демонов тайги на православных миссионеров. Китайский посол подбивает русских на войну с джунгарами. Ссылный полковник, зачарованный язычницей, гонится за своей колдовской возлюбленной. Войско обороняет степную крепость от кочевников. Эти яркие сюжеты выстроены на основе реальных событий сибирской истории, и очень многие персонажи – реальные персоны, о которых написаны научные исследования. Об этом – книга Алексея Иванова и Юлии Зайцевой «Дебри». «Дебри» – историческая основа романа «Тобол». А ещё и рассказ о том, как со времён Ермака до времён Петра создавалась русская Сибирь. Рассказ о том, зачем Сибирь была нужна России, и какими усилиями далось покорение неведомой тайги. «Дебри» – достоверное повествование о дерзости землепроходцев и воровстве воевод, о забытых городах Мангазее и Албазине, об идолах и шаманизме, о войнах с инородцами и казачьих мятежах, о пушнине и могильном золоте, о сибирских святых и протопопе Аввакуме, о служилых людях и ссылных бунтовщиках, о мамонтах и первых натуралистах. Сибирская история полна страстей, корысти и самоотверженности. И знать её надо просто потому, что мы русские.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-103079-7

© Иванов А. В., 2017

© ИП Алексей Иванов, 2017

Содержание

Пролог	7
Восхождение над Сибирью	10
Исполинство от рожденья	13
Сибирская конкиста	18
Под властью воевод	24
Служилые люди	28
Двери Сибири	32
Соболиный ливень	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алексей Иванов, Юлия Зайцева Дебри

© Иванов А.В.

© Зайцева Ю.Ю.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Пролог

За одно столетие русские землепроходцы присоединили к России всю Сибирь: от кряжей Урала до вулканов Камчатки, от побережья Ледовитого океана – «Дышащего моря» – до ледяных вершин «Крыши мира».

Маленькими отрядами по тридцать – пятьдесят человек они отважно выходили на terra incognita, словно в открытый космос. Никто из них не знал, что скрывается там, за поворотом, потому что эти грубые бородатые мужики, преданные государю вояки и вольные разбойники – сами себе хозяева, уже перешли пределы карт: с расчерченных листов шагнули на чистые страницы, чтобы кровью и потом нанести на них собственную географию. К началу XVII столетия территория современной России на три четверти была сплошным «белым пятном». Рисуй, сколько душе угодно.

В этих походах каждый преследовал свои цели. В конце XVI века к восточной окраине державы стекалось много разного народа. Были казаки с атаманами и десятниками на государственной службе; были купцы, почуявшие выгодный торг с инородцами; были «гулящие люди», которые сторонились царского ока, – вольные, без определённых занятий и прописки: в руках – ружья, в карманах – деньги, а на плечах – отчаянные головы.

Памятник основателям Иркутска

Была у них и официальная цель: «провести новых землиц» и «привести их под государеву руку». Покорители Сибири не сомневались, что «добрым словом и пистолетом» они убе-

дят ещё неведомых им таёжных жителей в своей силе и в своём праве считать их землю своей: охотиться на ней, пахать её, добывать из недр серебряную руду и собирать для русского царя ясак соболями и шкурками и прочей мягкой рухлядью. Дерзость увеличивала силы пришельцев вдесятеро, и отряды в полсотни казаков подчиняли целые лесные княжества, не считая это за чудо.

Первые русские землепроходцы – не учёные-натуралисты, бескорыстно мечтающие оставить свой след в научных скрижалях. Землепроходцы надеялись на государевы милости за меховые сокровища, добытые в новых краях, и на казённое пожалование за мамонтовы бивни; они жаждали наград за сведения о золотых и серебряных жилах и плодородных землях. Азарт покорителей подогревался предчувствием форта. И волновали воображение слухи, что где-то там, у Студёного моря, «лежит зверя моржа на две версты и больше», и песцов так много, что даже лыжи подбивают их шкурками, а на быстрых реках «по берегу рыбы, что дров». Государственное задание, личный интерес и авантюрная вера в райские кущи «там, где нас нет» запустили в XVII веке неуправляемое цунами российских землепроходцев.

А вслед за летучими отрядами охочих людей тяжело и властно шагала машина Российского государства.

Восхождение над Сибирью *Рождение Тобольска*

Казалось, что поход Ермака провалился. В боях татары перебили почти всю Ермакову дружину: в живых осталась только седьмая часть казаков. Сложили головы славные атаманы Иван Кольцо, Богдан Брязга и Никита Пан. Осенью 1584 года погиб и сам Ермак. Подмога с Руси так и не явилась. А сибирский хан Кучум ускользнул от казачьей сабли; он кочевал вдоль Иртыша, пылая жаждой мести. Матвей Мещеряк, последний атаман, собрал уцелевших товарищей и решил уходить из Сибири. Казаки оставили залитый кровью Искер – столицу Сибирского ханства, и городок занял царевич Алей, сын Кучума. Татары вернули себе всё, что отняли русские.

Но колёса истории вращались уже так, как закрутил Ермак Тимофеевич. Из Искера царевича Алея выбил хан Сеид-Ахмет, по-русски – Сейдяк. Он был из династии Тайбугинов – из царского рода, свергнутого с сибирского престола ханом Кучумом, властителем из бухарской династии Шейбанидов. Сибирские татары восстановили свою изначальную власть над Сибирью, которую два десятилетия назад узурпировали пришельцы из Бухары.

Тобольск

А на реку Туру в 1586 году пришёл отряд стрельцов под началом воевод Василия Сукина и Ивана Мясного. Воеводы заложили город Тюмень. По их указу «письменный голова» Данила Чулков с небольшим войском на стругах поплыл вниз по Туре и Тоболу к Иртышу. Напротив устья Тобола Чулков приглядел место для маленького острожка: высокий мыс над заливным лугом поймы. Ратники Чулкова разобрали свои суда и соорудили из них «лодейный город» – временную ограду. Так в 1587 году был основан Тобольск.

От Тобольска до Искера, где сидел ханом Сейдяк, было 18 вёрст. Заливной луг назывался Княжьим, потому что здесь сибирские ханы любили устраивать лихие охоты с ручными ястребами. На этом лугу пять лет назад Ермак и разбил полчища Кучума. Длинный крутой обрыв (ступень речной террасы), ограничивающий луг, назывался Алафейскими горами; «алафага» означало «коренная ханская земля». И на этой исконно татарской земле опять обосновались упрямые русские. Рано или поздно хан Сейдяк должен был снова напасть на них, чтобы изгнать окончательно.

ТОБОЛЬСК – РАЙОННЫЙ ЦЕНТР ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.
ГОРОД НЕ САМЫЙ БОЛЬШОЙ И, НАВЕРНОЕ, УЖЕ НЕ САМЫЙ
ЗНАМЕНИТЫЙ. НО ОН ДО С ИХ ПОР ХРАНИТ В СЕБЕ ВЕЛИЧИЕ
СТАРИННОЙ СТОЛИЦЫ.

ТОБОЛЬСК – КЛЮЧ К СИБИРИ, СОСРЕДОТОЧЕНИЕ СИЛЫ,
ТОЧКА ОПОРЫ, С ПОМОЩЬЮ КОТОРОЙ МОЖНО ПЕРЕВЕРНУТЬ МИР.
ЭТОТ ГОРОД ИЗБРАН ИСТОРИЕЙ.

Сейдяк замыслил привести своё войско к Тобольску якобы в запале ястребиной охоты. Охоту он устроил в честь гостей – казахского хана Ураз-Мухаммеда и «думного татарина» Карачи, визиря Кучума. Но Данила Чулков сам перехитрил Сейдяка. При виде охоты на лугу под острожком, он тоже затеял пир и пригласил Сейдяка с его гостями. Сейдяк принял приглашение, рассчитывая провести разведку острога, но попал в ловушку. Сотня татар вступила в острожек, а основное войско осталось снаружи. На застолье, по преданию, Чулков протянул Сейдяку чашу: «Выпей за здоровье, ежели не желаешь зла!» И Сейдяк от волнения поперхнулся. Казаки набросились на татар и всех повязали. А войско не рискнуло отбивать своих ханов. Ермак уже доказал сибирским татарам, что русские – сильнее, не стоит враждовать.

Чулков отослал пленников в Москву, и там их приняли весьма радушно: поселили в почёте и достатке, но в Сибирь так и не отпустили. А Тобольск уверенно пошёл в рост. Вскоре на месте «лодейного города» встала крепость с частоколами, башнями и Троицкой церковью, и мыс называли Троицким. Больше века на Троицком мысу будут жить властные сибирские воеводы.

Городок потихоньку разделился на две части. Наверху, на Алафейских горах, – крепость, усадьбы воевод, арсенал, амбары, тюрьма и гостинный двор для купцов. Внизу, на лугу, пересечённом мелкими извилистыми речками, – усадьбы горожан: казаков, стрельцов, ремесленников и купцов. Верхний и Нижний посады соединялись оврагами, по которым проложили дороги, – взвозами. Главным был Прямской взвоз, который вёл к острогу. В 1600 году за Иртышом на устье Тобола соловецкие иноки Логгин и Дионисий основали Зосимо-Савватьевский монастырь – приют для старых воинов.

Данила Чулков заложил свой маленький «лодейный город», чтобы взять под контроль Искер и сибирского хана. Однако с Руси по Тоболу в глубины Сибири покати́лся неукротимый поток истории: на восток пошли казаки, служилые, ссыльные лиходеи, промысловики, крестьяне, беглые холопы, купцы и «гуляющие люди». И оказалось, что Тобольск зажал в кулаке хвосты трёх важнейших речных дорог: вверх по Иртышу – в калмыцкие степи и в Китай; вниз по Иртышу и вниз по Оби – в «златокипящую» Мангазею; вниз по Иртышу и вверх по Оби – на Енисей и на Байкал.

До похода Ермака Сибирь казалась мрачной, лешачьей и смертоносной страной, а после Ермака стало ясно, что эта земля – почти такая же, как Русь, только щедрее, просторнее и свободнее. И переселенцы двинулись «встречь солнцу» многими тысячами. На энергии национального порыва и креп город Тобольск. Сторожевая застава превращалась в столицу бескрайней Сибири.

Решающим оказался 1590 год, когда Тобольск «стал быть собою»: его назначили «разрядным городом», то есть центром провинции – разряда, где сидит главный разрядный воевода и куда свозят подати и ясак. А в 1621 году была учреждена Тобольская и Сибирская епархия с центром в Тобольске, и это окончательно закрепило за городом столичный статус.

Тобольск обзавёлся неофициальным гербом с чёрными соболями. Семён Ремезов, сибирский гений XVII века, описал этот герб: «Под короною драгие звери, а посреди них стрела – державная гроза».

Исполинство от рождения

Идея Ермака

Их десять – десять русских городков, построенных в Сибири в первое десятилетие после Ермака и в последнее десятилетие XVI века: Верхотурье, Туринск, Пелым, Тюмень, Тобольск, Тара, Нарым, Сургут, Берёзов и Обдорск. Это созвездие освещает «Сибирь изначальную» – ту часть Сибири, которую Русь обрела по итогам Ермакова похода. И Ермак здесь – демиург, создатель мира, атлант, который держит русское небо над языческой тайгой.

Ермак стал сакральным атаманом так стремительно, что бывшие его соратники не успели даже состариться. Ермака почитали и свои, русские, и даже аборигены – инородцы. Причины почитания очевидны. Русских изумила божественная дерзость, с которой Ермак завоевывал землю, равную по площади самой Руси. А сибирским инородцам легче было покориться не человеку, а герою, которого избрали небеса: с волей богов не спорят.

Поход Ермака превратился в миф. Мельчайшие события этого похода были перетолкованы так и сяк и преисполнились огромного значения, будто библейские притчи. Маршрут Ермака оброс преданиями: каждый холм и каждый поворот реки на этом маршруте стали связаны с каким-то событием.

Култ Ермака начал складываться сразу после гибели атамана, и основу его заложили не русские, а сибирские татары. По легенде, в последней битве при устье реки Вагай на Ермаке были надеты две кольчуги: одна своя, другая – подарок Ивана Грозного. Раненый Ермак бросился в воду, чтобы доплыть до струга, но тяжёлая броня утянула его на дно.

Татары утверждали, что тело Ермака всплыло в Иртыше через неделю после смерти – 13 августа 1584 года. Его случайно зацепил рыболовной сетью татарин Яныш, внук Бегиша, житель Епанчинских юрт. Епанчинский мурза Кайдаул опознал погибшего по двум «панцирям». Когда принялись их снимать, у покойника из носа и рта хлынула кровь, как у живого человека. Поражённый, Кайдаул послал гонцов во все окрестные селения, призывая приехать и посмотреть на тело Ермака, которое «точит кровь живу». Татары собрались отовсюду. Прибыл даже сам хан Кучум, заклятый враг Ермака.

Шесть недель тело Ермака лежало на священном помосте, и кровь всё текла из ран героя. Из капель этой крови родились яркие цветы жарки – сибирские маки. Над мёртвым Ермаком боялись пролетать птицы. Во снах Ермак являлся многим татарским, вогульским и остяцким князьям, и кое-кто из них просыпался безумцем. Наконец, Ермак привиделся царевичу Сейдяку – Сеид-Ахмету – и потребовал погребения. Ослушаться было страшно. В присутствии мусульманского абыза Ермака со всеми почестями похоронили под сосной рядом с кладбищем у селения Баиш. Героя почтили тризной, на которой принесли в жертву тридцать быков и десять баранов.

Могила Ермака возле Баишевского кладбища стала священной. Каждую субботу «бусурмане» видели, что над могилой загорается тихая свеча, а в родительский день встаёт огненный столб до неба. Земля с могилы Ермака исцеляла от болезней, и её ели как лекарство. Но муллы и князыцы настрого запретили сородичам рассказывать русским, где упокоен их герой. Эту тайну раскроет служилый человек Ульян Ремезов только через 76 лет.

ПАМЯТНИК ЕРМАКУ ВОЗДВИГНУТ В ТОБОЛЬСКЕ В 1839 ГОДУ. В ТО ВРЕМЯ ПАМЯТНИКОВ СТАВИЛИ ОЧЕНЬ МАЛО, А ПАНТЕОН «ГЕРОЕВ ИЗ НАРОДА» БЫЛ И ТОГО МЕНЬШЕ – ИВАН СУСАНИН ДА КУЗЬМА МИНИН. НА ОТКРЫТИИ МОНУМЕНТА ЕРМАКУ ПРИСУТСТВОВАЛ ЦЕСАРЕВИЧ АЛЕКСАНДР. ЭТО БЫЛА ВЫСОЧАЙШАЯ ЧЕСТЬ, ОКАЗАННАЯ ИМПЕРИЕЙ ПРОСТОЛЮДИНУ.

От Ермака остались две кольчуги, и они славились как чудотворные; одну из них остяки принесли в дар идолу на Белогорском святилище. Знамя Ермаковой дружины хранилось в храме города Берёзова. В Тобольске в память о Ермаке построили часовню Ермаков Крест, а на том месте, где Ермаку явился Никола Можайский, возвели Никольскую церковь.

Памятник Ермаку в Тобольске

Всю важность Ермака для самоидентификации сибиряков раньше всех понял первый иерарх Сибири – епископ Киприан (Старорусенников). В 1620 году он возглавил только что созданную Тобольскую епархию. Киприан повелел составить синодик (список имён для поминовения) павшим казакам Ермака, а стариков-ветеранов Ермаковой дружины, которые к тому времени ещё были живы, Киприан распорядился собрать и расспросить – и непременно записать их «скаски». На основе этих свидетельств Савва Есипов, дьяк тобольского Софийского двора, в 1636 году написал летопись о походе Ермака.

Но самое главное слово о Ермаке сказал тобольский зодчий, картограф и летописец Семён Ремезов – сын служилого человека Ульяна Ремезова. Семён Ульянович работал как профессиональный учёный: собирал предания, читал старинные документы, посещал места событий. Свой труд он завершил в 1697 году. Эту повесть Семён Ремезов назвал «История Сибирская».

«ИСТОРИЯ СИБИРСКАЯ» РЕМЕЗОВА – ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ. ОНО МОДЕРНИЗИРОВАЛО ДРЕВНЕРУССКУЮ ЛЕТОПИСНУЮ ТРАДИЦИЮ. НО СОЗДАНО ОНО БЫЛО УЖЕ В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ, КОГДА РОЖДАЛАСЬ СВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, ПОЭТОМУ ПРИ ВСЁМ МОДЕРНИЗМЕ КНИГА РЕМЕЗОВА ОКАЗАЛАСЬ АРХАИЧНОЙ И НЕ БЫЛА ВОСТРЕБОВАНА КУЛЬТУРОЙ РОССИИ, ОСТАВШИСЬ РЕГИОНАЛЬНЫМ ФЕНОМЕНОМ.

Она состоит из 154 новелл, и в основе каждой – микросюжет или важная мысль. «История» рассказывает и о походе Ермака, и о том, что случилось через много лет после гибели атамана. Семёну Ремезову помогали сыновья; с любовью и тщанием Ремезовы снабдили каждую новеллу иллюстрацией-миниатюрой. Получилось синкретическое повествование романного типа: сразу житие святого (агиография), история путешествия («хождение»), историческая хроника (летопись) и публицистическое обращение («слово»). Но неназванный идеал, на который ориентировался Ремезов, – Евангелие.

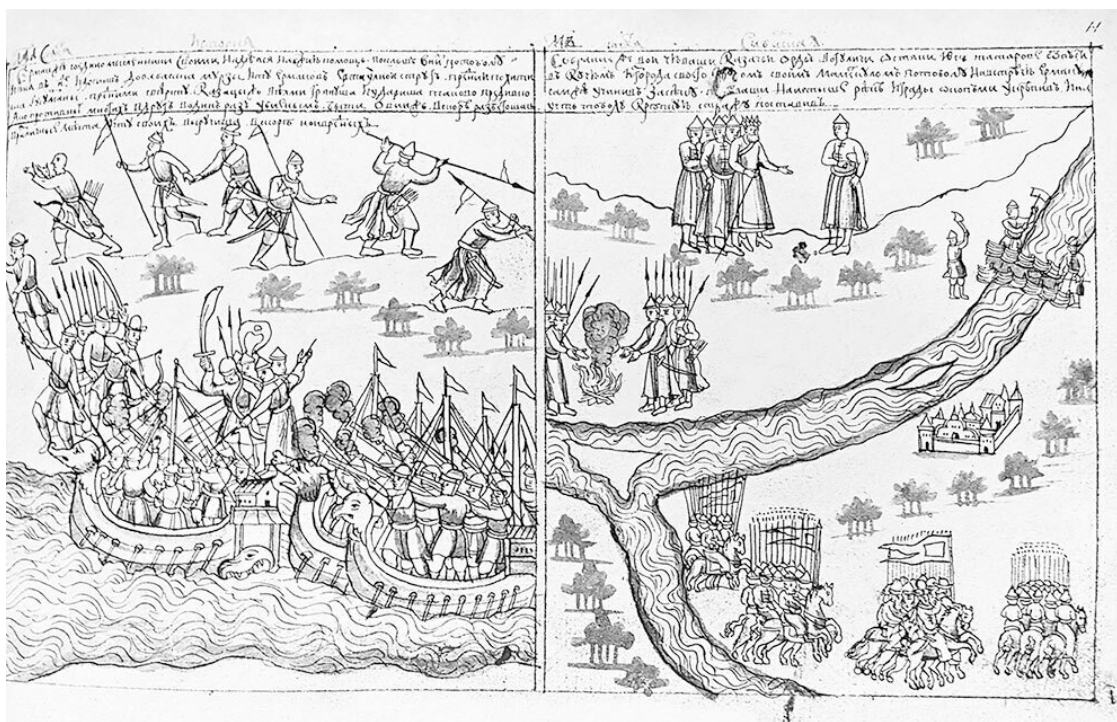

Рисунок из «Истории Сибирской»

«Исполинство бог даёт рабам своим от рожденья», – написал Ремезов о Ермаке. И Ермак в его повести – воистину Сын Божий. Он отмечен свыше. Он отважный воин, мудрый правитель и праведник, несущий во тьму Сибири свет Христовой веры. Ему сопутствуют чудеса: православные знамёна сами собой летят мимо берегов, занятых воинами хана Кучума, а руки супостатов цепенеют в бою, и оружие ломается пополам. Его поход осеняют знамения: два мистических зверя дерутся друг с другом на острове посреди Иртыша, а во время сражения в небе появляется Христос, хватая татарские стрелы и швыряет их на землю. И Ермак приносит себя в жертву, как Иисус: перед последней битвой ему является Никола Можай и предупреждает о гибели, но Ермак не отказывается от своего дела. Для русского Сибирь важнее жизни – вот главная мысль Ремезова. И он воплотил её в образе мессии – в Ермаке.

Ремезов не провозглашал «сибирской идеологии». Он констатировал то, что уже было, и было давно. После Ермака в глубины Сибири двинулись сотни русских землепроходцев, и каждый из них видел себя Ермаком.

Сибирская конкиста

Землепроходцы покоряют Сибирь

К началу XVII века русские уже освоили Обь и успели проведать пушного зверя в окрестностях города Мангазеи, тогда – главного опорного пункта Сибири. Охотников тянуло на восток к нетронутым местам и подальше от государевых сборщиков ясака. От обских хантов и селькупов русские узнали о реке Енисей (Ионесси). Поисковые экспедиции открыли четыре волока из бассейна Оби в бассейн Енисея, и за двадцать пять лет землепроходцы обследовали гигантскую реку со всеми притоками до её впадения в Ледовитый океан. В верховья шли на стругах и дощаниках, поднимаясь против течения на шестах или бечевой, к устью плыли на морских кочах под парусами. Рейды растягивались на годы. Победы над инородцами, богатый ясак и слухи о новых землях, полных сокровищ, давали силы преодолевать голод и холод, бороться с ледяными заторами, стремнинами и гнусом. Государственный контроль над территорией русские закрепляли строительством крепостей. Енисейский острог стал важным форпостом в Средней Сибири и базой для продвижения на Лену и на Байкал.

Башня Якутского острога

В 1620 году некий Пянда, «гуляющий человек» Енисейского острога, прознал от местных жителей, что к Нижней Тунгуске, притоку Енисея, подходит другая большая река – Лена (Елюнэ). На свои деньги Пянда набрал ватагу в сорок человек, построил струги и отправился на поиски фарта в огромные и непочатые охотничьи угодья неизвестной реки. Однако слухи на карте не нарисуешь, и маршрут по ним не проложить. В пути отчаянному отряду Пянды пришлось преодолевать завалы и пороги, отражать «огневым боем» набеги эвенков, пережить зимы. Только на третий год экспедиция Пянды перетащила свои струги на Лену и потом прошла по ней четыре тысячи километров.

В 1632 году енисейский сотник Пётр Бекетов с тридцатью казаками поставил на Лене Якутский острог. Тридцать казаков объявили Якутию российской – а Якутия по площади вдвое превосходит всю Западную Европу. Из Якутского острога русским удобно было совершать броски на север, к Студёному морю и на страшную Колыму, и на юг, к Амуру и Даурии.

ЯКУТСКИЙ ОСТРОГ НА РЕКЕ ЛЕНЕ БЫЛ ЗАЛОЖЕН СОТНИКОМ ПЕТРОМ БЕКЕТОВЫМ В 1632 ГОДУ. ПО ПРЕДАНИЮ, ЯКУТЫ СОГЛАСИЛИСЬ ПРОДАТЬ РУССКИМ СТОЛЬКО ЗЕМЛИ, СКОЛЬКО МОЖНО НАКРЫТЬ БЫЧЬЕЙ ШКУРОЙ, – А РУССКИЕ НАРЕЗАЛИ ИЗ ШКУРЫ РЕМНИ И ОЧЕРТИЛИ ИМИ ОГРОМНЫЙ УЧАСТОК. МОЩНЫЙ ЯКУТСКИЙ ОСТРОГ СТАЛ БАЗОЙ ДЛЯ ОСВОЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ, ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И КРАЙНЕГО СЕВЕРА. ВСЁ ОГРОМНОЕ ПРОСТРАНСТВО ОТ АМУРА ДО КОЛЫМЫ СЧИТАЛОСЬ ВОТЧИНОЙ ЯКУТСКОГО ВОЕВОДСТВА.

Строительство крепостей укрепляло русское государство, но не решало проблем сибирской анархии. Размер ясак не был определён, казаки драли его с местных по принципу «душа – мера». А меры не было. В суровый край приходили за богатством и прибылью, поэтому не останавливались ни перед чем. Воеводы хозяйничали без контроля, насаждая не цивилизацию, а собственный грабительский порядок. Никто не межевал земли между острогами, и порой казаки разных воевод схватывались за ясак друг с другом или брали его с аборигенов в двойном размере; как говорится, семь шкур сдирали. А ещё отнимали запасы мяса и рыбы, обречая целые поселения на голодную зиму. Инородцы протестовали, как могли, иногда даже осаждали русских. В осаду большого тысячного войска якутов однажды угодил и Якутский острог. Казаков спасло лишь то, что оленеводы Полярного круга не привыкли к военным действиям и очень скоро сами ушли от стен крепости.

ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ – РОДОНАЧАЛЬНИКИ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ. КАЖДЫЙ СТАРИННЫЙ ГОРОД ЖЕЛАЕТ ИМЕТЬ СВОИМ ОСНОВАТЕЛЕМ КАКОГО-НИБУДЬ ГЕРОЯ СИБИРСКОЙ КОНКИСТЫ.

В ЧИТЕ ТАКИМ ОСНОВАТЕЛЕМ СЧИТАЕТСЯ СОТНИК ПЁТР БЕКЕТОВ, КОТОРЫЙ В 1653 ГОДУ УСТРОИЛ В ЭТИХ МЕСТАХ НЕБОЛЬШОЕ ЗИМОВЬЕ. И ПУСТЬ ЧИТА ПОШЛА НЕ ОТ ТЕХ ИЗБУШЕК БЕКЕТОВА – ФИГУРА ЗЕМЛЕПРОХОДЦА ВСЁ РАВНО ПОДКЛЮЧАЕТ ГОРОД К ИСТОРИИ.

Зимой 1641 года пятнадцать русских казаков под началом Михаила Стадухина, забыв про инстинкт самосохранения, отправились из Якутского острога в самую холодную точку планеты – на Оймякон. Два месяца люди и кони сражались с ледяными ветрами Сунтар-Хаята, ломались на курумниках, скользили на ледниках и только во сне видели горячее пламя костра, который в этих голых камнях казался волшебней, чем лампа Аладдина. Двужильные мужики Стадухина сумели выжить в этом трудном походе. Они собрали ясак с эвенков и якутов и открыли новые земли. На третий год они построили небольшой коч, по краю Ледовитого океана добрались до Колымы и поставили там первое русское зимовье для сбора дани.

Памятник Петру Бекетову в Чите

«Для прииску и приводу новых земель» воеводы Якутска рассылали отряды во все стороны света. От бурят русские узнали, что на юге есть огромное, как море, озеро Байкал (Лама), «вода в нём стоячая и пресная, а рыба всякая и зверь морской», и богаты те места серебряными рудами. Семьдесят пять суровых казаков атамана Курбата Иванова в июле 1643 года выбрались на жёлто-сине-зелёный берег Байкала и сняли шапки. Густое горное небо, рассыпчатый песок. Корявые кедрачи похожи на камлающих шаманов – стоят на двухметровых ходулях корней, из-под которых за триста лет уже выдуло почву. Казаки прошли вдоль Байкала шестьсот километров. Курбат Иванов составил первый чертёж озера, но не сумел вернуться домой – на этой райской земле он погиб в сражении с бурятами.

**«ИДЕОЛОГИЮ» СИБИРИ СОЗДАЛИ ПОМОРЫ, ВОЛЬНЫЕ
КРЕСТЬЯНЕ РУССКОГО СЕВЕРА. НЕ ПОРАБОЩЁННЫЕ КРЕПОСТНЫМ**

ПРАВОМ, ОНИ ОСВАИВАЛИ ПОБЕРЕЖЬЕ ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА ЗА ПРОЛИВОМ ЮГОРСКИЙ ШАР И ТАЁЖНЫЕ ПРОСТОРЫ ЗА «КАМЕННЫМ ПОЯСОМ». ПОМОРЫ И РУССКИЕ СЕВЕРЯНЕ УТВЕРДИЛИ ГЛАВНУЮ МОРАЛЬНУЮ ЦЕННОСТЬ СИБИРЯКА – ПРЕДПРИИМЧИВОСТЬ. ПОЭТОМУ ИСТОРИЯ СИБИРИ ОТКЛИКАЕТСЯ В УСТЮГЕ, МЕЗЕНИ, ТОТЬМЕ, ВОЛОГДЕ И ХОЛМОГОРАХ.

На восток русских гнали смутные сведения о Тёплом море. Первым его увидел казак Иван Москвитин в 1639 году. Весь путь от Лены до северо-западного берега Тихого океана отряд Москвитина прошёл за два месяца – технично и со спринтерской скоростью. В пути по таёжным рекам казаки дважды меняли плавсредства на более подходящие: дощаники перестроили в струги, с них пересели на большую байдарку. За два года отряд Москвитина исследовал почти всё побережье Охотского моря и открыл устье Амура.

Памятник землепроходцам и мореходам в Тотме

Вскоре после экспедиции Москвитина по Амуру с боями прокатился отряд «письменного головы» Василия Пояркова, пришедший с Лены. Вслед за ним к амурским волнам явился стрелецкий отряд Петра Бекетова; Бекетов пришёл уже с Байкала, и его маршрут станет частью

великого пути из России в Китай. А потом на Амуре хозяйничал «промышленный человек» Ерофей Хабаров. Привольный Амур превратился в реку великой русской мечты.

Русские продвигались по Сибири, будто в темноте на ощупь, – по наитию. Не всегда им удавалось понять, где они очутились. И служилый человек Семён Дежнёв так и не узнал, что совершил великое открытие.

В сороковые годы XVII века дальние остроги и зимовья захлестнула моржовая лихорадка и слухи о пушной реке Анадырь. В 1648 году шесть кочей вышли из устья Колымы на простор Студёного моря и поплыли на восток вдоль немирных берегов Чукотки, надеясь попасть на устье Анадыря. А скалистый берег вдруг повернул с востока на полудень, и промысловики увидели бурный пролив. Через восемьдесят лет этот пролив назовут Беринговым. Сами того не ведая, русские мореходы нашли предел Евразии.

В проливе бушевал шторм. Он подхватил кочи и повлёк неведомо куда. Ураганным ветром судёнышки «разнесло без вести». Коч Семёна Дежнёва прибило к устью Анадыря, как Дежнёв и мечтал, а коч Федота Попова стихия забросила ещё дальше – на Камчатку. Попов сотоварищи стали первыми русскими, которые увидели дымы над вулканами. Через пятьдесят лет Владимир Атласов завершит открытие Камчатки и присоединит её к России.

Грандиозная сибирская конкиста заняла около столетия. В «бунташном» XVII веке, в погоне за вполне конкретными благами бытия, грубые и дерзкие землепроходцы сформировали географическое сознание русской нации.

Под властью воевод

Воеводское управление Сибири

Ермак присоединил азиатскую Сибирь к европейской Московской Руси, и Московия с Сибирью образовала евроазиатскую страну Россию. Но Сибирь в России ещё не была русской ни по населению, ни административно. В течение семнадцати лет после разгрома Сибирского ханства новым регионом руководил Посольский приказ – Министерство иностранных дел той эпохи. Далёкая, неведомая и дикая Сибирь считалась чем-то чуждым.

В 1599 году Сибирь наконец-то передали Приказу Казанского дворца, который ведал землями покорённых инородцев за восточными границами былой Руси: упразднёнными княжествами черемисов, бывшими Казанским и Астраханским ханствами, Башкирией. И только в 1637 году царь учредил Сибирский приказ – государственный орган управления Сибирью.

Возглавлял его «судья»; «судье» подчинялись дьяки – начальники «столов» (или «повытий»); дьяки командовали подьячими. В первые годы в Сибирском приказе было пять «столов» (по числу «территорий»): Тобольский, Томский, Мангазейский, Енисейский и Ленский. Потом появились и «стола» по разным отраслям хозяйства: Казённый, Денежный, Купецкий и так далее. Драгоценным сердцем Сибирского приказа была Соболиная казна. Она аккумулировала привезённую из Сибири пушнину и продавала её в Европу. Руководили казной целовальники и «купчины» с добрым именем. Сибирский приказ назначал в Сибирь воевод и таможенных голов, устанавливал штаты и оклады, ведал обороной и снабжением края. Сибирский приказ существовал до 1763 года, хотя после учреждения губерний потерял административное значение и превратился, по сути, в одну Соболиную казну.

ДОМ ВОЕВОДЫ ПОСТРОЕН В СОЛИКАМСКЕ В 1688 ГОДУ. ЭТО ОЧЕНЬ РЕДКИЙ ЗА ВОЛГОЙ ОБРАЗЕЦ ДРЕВНЕРУССКОГО ГРАЖДАНСКОГО И ОБОРОННОГО ЗОДЧЕСТВА. ДОМ ИМЕЕТ ПОТАЙНЫЕ ВНУТРИСТЕННЫЕ КОРИДОРЫ С ЛЕСТНИЦАМИ И ПОДЗЕМНЫЕ ХОДЫ, ВЕДУЩИЕ К ХРАМАМ И К БЕРЕГУ РЕЧКИ ЗА ПРЕДЕЛЫ СТЕН ГОРОДСКОЙ КРЕПОСТИ. ДОМ ВОЕВОДЫ ИСПОЛЬЗОВАЛСЯ КАК ПРИКАЗНАЯ ИЗБА ДО УПРАЗДНЕНИЯ СОЛИКАМСКОГО ВОЕВОДСТВА В 1781 ГОДУ.

Главным человеком в Сибири был тобольский воевода. Уже в 1590 году вся Сибирь стала считаться «Тобольским разрядом», то есть «Тобольской областью», и тобольский воевода оказался высшим начальником. В 1607 году он получил государственную печать с короной, соболями и стрелами, а в 1660 году воеводам Тобольска дозволили вести собственную внешнюю политику: самим принимать и отправлять послов в восточные державы.

Дом воеводы в Соликамске

Тобольский воевода командовал воеводами во всех остальных городах Сибири. «Региональными администрациями» тех времён были приказные избы (в Тобольске – Приказная палата), где сидели дьяки и подьячие. В задачу воевод входило снабжение своей вотчины хлебом, сбор податей и ясака, разведка «новых земель», организация ямской службы, развитие торговли и контроль над инородцами. Воеводы были и судьями, и местными полководцами, и бухгалтерами, и администраторами. Вся служба была подчинена главной задаче: добывать царю богатства и следить, чтобы никто этому никак не препятствовал. Остальное – «по мере надобности».

Памятник воеводе Алексею Шеину в Азове

Служить в Сибирь отправляли минимум на два года. При назначении воевода получал от царя пространный «наказ» – инструкцию. Явившись на место, воевода объявлял «государево

жалованное слово» всем служилым людям, всем торговым людям и князьям инородцев. А потом уже можно было заниматься собственным благополучием, не забывая об интересах царя.

В Тобольск, Мангазею, Тару и Томск (а потом в Иркутск и Якутск) назначали двух воевод – старшего и младшего («товарища»). На сибирскую службу ехали представители самых знатных родов: Репнины, Бутурлины, Волконские, Голицыны, Шереметевы, Трубецкие, Салтыковы, Головины. Конечно, в таёжную тьмутаракань их влекли не нужды отечества, а нажива. Воеводы безбожно воровали пушнину – тем более что жалованья им не полагалось: они «кормились от дел». Воровство воевод стало дурной традицией, против которой цари особенно-то и не возражали. Но многие воеводы блюли приемлемую меру и принесли Сибири немалую пользу.

БОЯРИН АЛЕКСЕЙ ШЕИН СТАЛ ТОБОЛЬСКИМ ВОЕВОДОЙ В 27 ЛЕТ И ПРОБЫЛ В СИБИРИ ВСЕГО ДВА ГОДА. ПОТОМ ПРИ ЦАРЕВНЕ СОФЬЕ ОН ХОДИЛ В ПОХОДЫ НА КРЫМ, А ПРИ ПЕТРЕ ВОЗГЛАВЛЯЛ ВОЙСКА В ПОХОДАХ НА АЗОВ. ЗА ВЗЯТИЕ АЗОВА ПЁТР ПРОИЗВЁЛ ШЕЙНА В ГЕНЕРАЛИССИМУСЫ. ШЕЙН СТРОИЛ МОРСКУЮ ГАВАНЬ В ТАГАНРОГЕ, ОТРАЖАЛ НАБЕГИ ТУРОК И ПОДАВЛЯЛ СТРЕЛЕЦКИЕ БУНТЫ. ОН УМЕР В 1700 ГОДУ В ВОЗРАСТЕ 48 ЛЕТ.

Основной проблемой поначалу была безопасность русских городов. Неугомонный хан Кучум рыскал по Иртышу, прицеливаясь, как напасть. В 1590 году воевода Кольцов-Мосальский разбил орду Кучума на реке Ишим и отогнал татар в степь, а в 1598 году воевода Бутурлин настиг Кучума в степи и разгромил окончательно. Татарская угроза развеялась.

Теперь следовало решить вопрос самообеспечения. Почти всё, что требовалось для жизни, в Сибирь везли из России: начиная от хлеба и соли и заканчивая топорами и ружьями. В 1613 году воевода князь Елецкий купил у калмыков на верхнем Иртыше солёное Ямыш-озеро; соляные караваны вдохнули в экономику Сибири новые силы, потому что без соли невозможно обрабатывать пушнину, выделывать кожи и производить порох.

На свой собственный хлеб Сибирь перешла благодаря воеводе князю Сулешеву. В 1624–1625 годах он провёл перепись городов и по «дозорным книгам» выявил бездельных людей, которых можно было превратить в хлеборобов. Князь составил «Уложение боярина Сулешева» – свод правил и предписаний для развития Сибири. Сулешев организовал распашку пустых земель, отменил хлебное жалованье служилым людям и наделил их угодьями – пусть сеют и жнут (и платят подати). В результате производство хлеба в Сибири выросло в пять раз, и Сибирь начала кормить себя сама.

Наконец, в 1663 году воевода Хилков попытался уравнивать Сибирь с Россией и в отношении денег. Самоуверенные и свободолюбивые сибиряки не желали признавать такой экономической условности, как медные монеты. Хилков завёз бочки с медными копейками, полушками и пятаками, но это вызвало резкое удорожание серебра и всех товаров. Денежную реформу пришлось остановить. Там, где любой охотник приносил добычу сразу как валюту, медь не имела цены. Сибирь была уже русской, но жила наособицу.

Этот принцип – жить наособицу – актуален и сегодня.

Служилые люди

Сословие «служилых» в истории Сибири

Бурное XVII столетие – время вооружённых людей на государственной службе: в городах были стрельцы, на границах – казаки, а в Сибири – служилые люди. Сословие сибирских служилых по численности занимало второе место после государственных крестьян и было самым пассионарным классом в России «бунташного» века. Перепись 1710 года насчитала в Тобольске 4 735 повёрстанных служилых людей, а по Сибири в целом – 40 667 человек.

Они были не регулярной армией, а скорее командами вооружённых разнорабочих на службе у власти. Служилые подчинялись воеводе и делали всё, что тот прикажет «в государевых интересах»: собирали подати, возили указы и грамоты, сопровождали ссыльных, усмиряли бунты, ловили разбойников, ездили за солью на Ямыш-озеро, доставляли хлеб и прочие товары, оберегали границу в дозорах, ходили в военные походы, строили церкви и казённые здания, дощаники и кочи, охраняли разные посольства, ловили рыбу, промышляли пушного зверя, возводили новые остроги и слободы. Например, тобольский воевода Годунов заставлял служилых людей «делать всякие плотнишные дела, церковные и хоромные и иные всякие зделья работать. Да их же заставил делать снасти варовые, судовые верёвки».

Воеводам было очень удобно иметь в подчинении такой «полуспецназ-полустройбат» и с его помощью решать не только военные проблемы, но и экономические. «Кормясь от дел», сибирские воеводы не различали, что в «службу», а что «в дружбу», и хозяйственных поручений для войска у них всегда имелось в избытке. Служилых людей для далёкой Сибири в основном набирали в Москве из казаков и стрельцов, и работа им была «не за обычай». Но за уклонение от трудов служилых наказывали батогами, кнутом, тюрьмой и вычетами из жалования. Воевода сам выбирал вид возмездия.

ГОРОД САЛЕХАРД СТОИТ ПРЯМО НА ЛИНИИ ПОЛЯРНОГО КРУГА. ОН БЫЛ ОСНОВАН НА БЕРЕГУ ОБИ В 1595 ГОДУ КАК ОБДОРСКИЙ ОСТРОГ. ЗДЕСЬ СЛУЖИЛИ СМЕННЫЕ КАЗАКИ-«ГODOВАЛЬЩИКИ». ОБДОРСК КОНТРОЛИРОВАЛ ПУШНОЙ ТРАФИК ИЗ МАНГАЗЕИ И С ПРОСТОРОВ САМОЕДСКОЙ ТУНДРЫ ПОЛУОСТРОВА ЯМАЛ. ПОСТОЯННОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ОБДОРСКЕ ПОЯВИЛОСЬ ТОЛЬКО В 1635 ГОДУ.

Служилые могли жаловаться на воевод в Сибирский приказ или даже самому царю. Самыми частыми были «ябеды» на «посылки вне очередь», когда за одной длиннющей командировкой куда-нибудь к чёрту на рога сразу следовала вторая такая же. А поощрением были «посылки» в Москву с документами или ясачной казной, потому что попутно в столице можно было закупить дефицитные товары, чтобы потом с выгодой продать их в Сибири.

Памятник основателям в Салехарде

Служилые люди получали от казны жалование деньгами, хлебом, солью и овсом для лошадей. Впрочем, каждый четвёртый служилый предпочитал, чтобы вместо жалованья его наградили бы «землёй и травой». Пашня и покосы приносили гарантированный доход, а жалование могли задержать или недодать. Бывало, что в отдалённых острогах казаки сидели без платы по несколько лет. Служилые искали дополнительный заработок. В свободное время они возделывали поля, занимались промыслами, держали мельницы и кузницы, торговали. В середине XVII века в Тобольске служилые люди составляли половину от общего числа купцов, ремесленников и охотников.

Юильский острог в музее Академгородка

Служить считалось престижным занятием, потому что оно давало более высокий статус по сравнению с крестьянами и посадскими. Самые опытные могли получить звания стольников или «детей боярских». Служилые имели много разных «чинов»: воротники, пушкари, затинщики, стрельцы, казаки – «беломестные», конные или пешие. В службу брали ссыльных иностранцев («черкасов», «литвинов» и «немцев»), которые дали присягу русскому царю, а также иноверцев – татар и башкир.

Имелись две основные категории служилых. «По прибору» – наёмники, повёрстанные по мере надобности. «По отечеству» – дети, внуки и правнуки тех служилых, которые когда-то приехали из России и осели в Сибири, обзаведясь семьями. Каждый уездный воевода имел свой отряд служилых.

Внутри сообщества царили порядки казачьей вольницы. Служилые исполняли приказы воеводы, но подчинялись своему выборному командиру – атаману или полковнику. Важные решения принимались на общем «круге», любой отряд имел собственную частную казну – «коробью».

ЮИЛЬСКИЙ ОСТРОЖЕК БЫЛ ОСНОВАН ЕЩЁ В XVII ВЕКЕ. ОН СТОЯЛ В ТАЙГЕ БЛИЗ РЕКИ КАЗЫМ, ПРИТОКА ОБИ. В XVIII ВЕКЕ ОСТРОЖЕК ЗАБРОСИЛИ ЗА НЕНАДОБНОСТЬЮ. А В 1968 ГОДУ ОХОТНИКИ КАЗЫМА ПРИВЕЛИ УЧЁНЫХ К РАЗВАЛИНАМ БАШЕН И ЧАСТОКОЛОВ, КОТОРЫЕ УЖЕ ЗАРОСЛИ ДИКИМ ЛЕСОМ. ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ЭТУ ПОТЯСАЮЩУЮ НАХОДКУ ПЕРЕВЕЗЛИ В МУЗЕЙ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА ВОЗЛЕ АКАДЕМГОРОДКА В НОВОСИБИРСКЕ И ВОССТАНОВИЛИ В ПЕРВОЗДАННОМ ВИДЕ.

Дважды власть пыталась модернизировать военное дело в Сибири. В 1659 году воевода князь Иван Хилков задумал завести «полки иноземного строя» – переделать служилых в рей-

таров и солдат по европейскому образцу. Для обучения были наняты иностранные офицеры. Но у Хилкова ничего не вышло: иностранцев оказалось мало, денег на содержание полков в казне не хватило, а воевали рейтары плохо. Через десять лет воевода Годунов решил выстроить по южной границе Сибири Засечную черту и заселить её остроги служилыми, сняв их с казённого довольствия. Однако Годунов не успел завершить свой проект: его отозвали после жалоб на самоуправство.

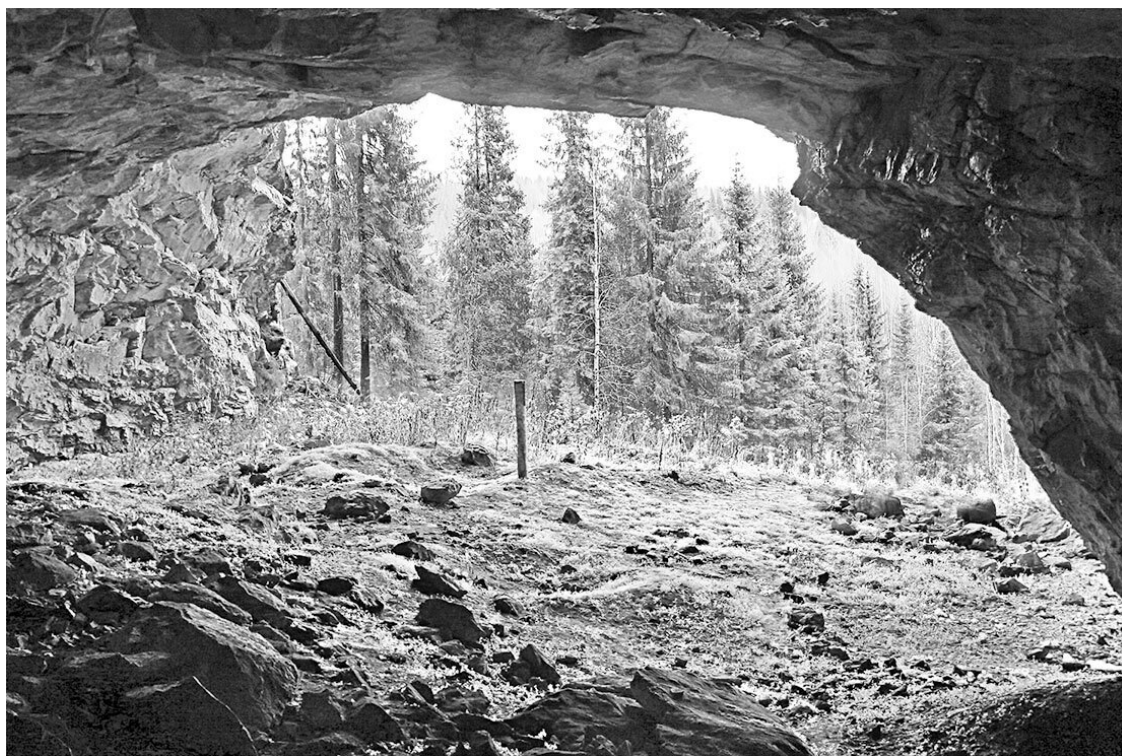
В полицейском государстве, которое будет создавать царь Пётр, сибирским служилым людям места уже не найдётся. В 1701 году Пётр упразднит стрельцов, а в Сибири сократят число служилых и уменьшат их жалованье. В 1706 году служилых обяжут учиться «экзерции» – боевым перестроениям, прикажут носить «немецкое платье» и ездить в сёдлах немецкого образца. Но то, что немцу хорошо, сибиряку – смерть. Красивый немецкий камзол не согреет в сорокаградусный мороз, а в изящное немецкое седло в тулупе не втиснешься. И служилые закидают Сибирский приказ челобитными, умоляя оставить всё, как было прежде. Князь Гагарин, глава Сибирского приказа, разрешит пока сохранить русские порядки. Но позже, в 1713 году, став губернатором, он проведёт реформу тобольского полка и покончит с вольностями служилого сословия. Вместо служилых в Сибири появится регулярная армия – солдатские и драгунские гарнизонные полки.

Двери Сибири *История Верхотурья*

Московская Русь нуждалась в удобной дороге через Уральские горы в Сибирь. Маршрут Ермака был слишком тяжёлым и длинным. В 1595 году Борис Годунов призвал «охочих людей» отыскать новый путь, и вскоре такой путь нашёл посадский человек Артемий Бабинов из села Верх-Усолка. Рискуя жизнью, Бабинов выследил вогулов, которые ходили от городища Нёромкар на реке Туре через хребет в священную Чаньвинскую пещеру.

Страховидным идолам Чаньвы могли бы позавидовать лучшие боярские дочери столицы. Грубые истуканы были увешаны серебряными украшениями и наряжены в драгоценные сибирские меха. Много лет они дремали в сырой пещере, принимая подарки, и ожидали смерти, потому что в вещих снах видели, что тайная тропа к их святилищу однажды станет главной дорогой через Урал. И по ней в угоду своему ненасытному московскому богу русские повезут песцов и соболей уже не связками, а караванами в сотни телег.

В награду за дерзость Бабинов получил от государства собственный бизнес. Воевода велел ему обустроить новую дорогу и разрешил взять её в «концессию». Артемий Бабинов оказался отличным менеджером. Он собрал артель из сорока мужиков, и они всего за три года построили тракт длиною почти двести вёрст: от Соликамска до реки Туры прорубили просеку в тайге, поставили мосты через речки, засыпали ямы и проложили гати на болотах. И по Государеву Сибирскому тракту за Урал двинулись стрельцы и купцы.

Чаньвинская пещера

На месте языческого Нёромкара в 1598 году был поставлен русский город Верхотурье, куда перевели служилых людей из Лозьвинского острога. На Троицком мысу над Турой воевода Василий Головин построил крепость и Троицкую церковь. Под защитой крепости поселились ямщики с семьями – так образовалась Ямская слобода; ямщики работали на тракте за

казённое жалованье. В Верхотурье учредили таможду и «великий гостиный двор», который стал центром торговли с инородцами и купцами с Востока.

На два десятилетия Верхотурье превратилось в главный город Зауралья. Через Верхотурье хлебом и всеми прочими припасами снабжались Тюмень, Тобольск, «златокипящая» заполярная Мангазея и другие сибирские города.

Дальнейший путь в Сибирь шёл по рекам: Тура – Тобол – Иртыш – Обь. Верхотурье было перевалочной базой и речным портом. Здесь воеводы и купцы, охая, подсчитывали синяки, заработанные на ухабах Бабиновской дороги, и перегружали грузы с тряских телег на дощаники и кочи. Сотни судов для речных караванов, уплывающих в тревожные глубины Сибири, строили неподалёку от Верхотурья в деревне Меркушино, где располагалась главная верфь – «плотбище». Согласно указу, суда делали «совсем наготово, чтоб в Тоболску к тем судам никакие поделки и прибавки не было».

БОЛЬШАЯ ПЕЩЕРА В СКЛОНЕ ГОРЫ НАД РЕЧКОЙ ЧАНЬВОЙ ИСПОЛЬЗОВАЛАСЬ КАК СВАТЫЛИЩЕ НЕ МЕНЬШЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ. ВО ВРЕМЕНА ЕРМАКА ЗДЕСЬ СТОЯЛИ ИДОЛЫ ВОГУЛОВ – НАРОДА МАНСИ. ПОСЛЕ ТОГО КАК ЗЕМЛЕПРОХОДЕЦ АРТЕМИЙ БАБИНОВ РАСКРЫЛ ТАЙНУ ПЕЩЕРЫ, СВАТЫЛИЩЕ ЗАБРОСИЛИ. ПОСЛЕДНИХ ИДолов ДРЕВНЕЙ ЧАНЬВЫ ПОРУБИЛ И СЖЁГ СВАЩЕННИК ИЗ СЕЛА ВЕРХ-БОРОВОЕ.

В 1699 году Пётр приказал перевести основные постройки Верхотурья в камень. Словно по государеву повелению, в городе вскоре забушевал пожар; огонь смёл старый деревянный острог, расчистив место под новый кремль, иметь который столице Зауралья полагалось по статусу. На Троицком мысу заложили игрушечную крепость с башенками и низкими стенами, на которых в ряд важно топорщились зубцы «ласточкин хвост». Но вскоре Пётр запретил в державе каменное строительство, и «кремль» остался «внедоделке».

Верхотурье

Богатому Верхотурью было за что благодарить бога; свою десятину город исправно платил новыми часовнями и церквями. В 1703 году митрополит Филофей благословил возведение Троицкого собора. За шесть лет над городом поднялся пятиглавый храм с тонкой шатровой колокольней, весь в фигурном узорочье радостного стиля «сибирское барокко».

Но Бабиновская дорога постепенно теряла своё значение. В 1703 году зодчий Семён Ремезов и корабелы из Меркушино построили пристань Утку, и на реке Чусовой начнёт неудержимо набирать силу новый транспортный поток «железных караванов». В 1721 году казанским татарам и уфимским башкирам будет разрешено ездить на Ирбитскую ярмарку через Уктусский завод, а не через Верхотурье. В 1753 году в России вообще упразднят все внутренние таможи, и понятие «государева дорога» исчезнет. Движение грузов за Урал переориентируется на новый Сибирский тракт Казань – Кунгур – Екатеринбург – Тобольск. Верхотурье окажется в стороне от основной магистрали. У города останется лишь один ресурс для жизни – культ праведного Симеона. К середине XVIII века Симеон Верхотурский станет самым почитаемым святым горнозаводского Урала, и десятки тысяч паломников возродят экономику города.

ВЕРХОТУРСКИЙ ОСТРОГ ОСНОВАН НА МЕСТЕ ВОГУЛЬСКОГО ГОРОДИЩА НЁРОМКАР. СИБИРСКИЙ ТРАКТ И КУЛЬТ СВЯТОГО СИМЕОНА ПРЕВРАТИЛИ ВЕРХОТУРЬЕ В СКАЗОЧНЫЙ ГОРОДОК С ЦЕРКВЯМИ И КОЛОКОЛЬНЯМИ. В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ ВЕРХОТУРЬЕ, ОКРУЖЁННОЕ ЗОНАМИ ГУЛАГА, ПРИШЛО В ЗАПУСТЕНЬЕ. СЕЙЧАС ВЛАСТИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПЫТАЮТСЯ ВОЗРОДИТЬ ЕГО И ПРЕВРАТИТЬ В «ДУХОВНУЮ СТОЛИЦУ» УРАЛА.

История распорядится так, что Верхотурью за ненадобностью придётся снять с петель кованые ворота главной государственной таможни, но царские врата верхотурских церквей переживут торговлю и останутся стоять на века.

Соболиный ливень

Пушной промысел в Сибири

До середины XVIII столетия в России не было открыто ни одного своего золотого месторождения, а без драгметалла финансовая система государства существовать не может. Всё русское золото было покупное, иностранное. Приходилось получать его в обмен на какие-то товары или продукты.

Самым востребованным в Европе русским товаром оказалась пушнина, «мягкая рухлядь». До завоевания Сибири русские добывали пушного зверя на севере – на Сухоне, Двине, Пинеге, Вычегде, Мезени, Печоре, Каме. Для Руси меха были «тем золотом, что не блестит». До середины XVIII века пушнина служила главной статьёй русского экспорта.

Но Сибирь была куда богаче «мягкой рухлядью», чем Русский Север. Однако первыми это поняли азиаты, а вовсе не русские. По преданию, сама Зубайда, жена халифа Гаруна аль-Рашида, ввела обычай носить шубы, подбитые соболями из Сибири – «Страны Мраков». И первыми в Сибирь проникли не москвиты, а бухарцы. В самом конце XIV века мусульманские проповедники и войско некоего хана Шейбана явились на Иртыш к сибирским татарам. В тайгу пришёл ислам. А вслед за воинами и шейхами потянулись и купцы. Они наладили регулярные поставки сибирских мехов в Бухару. Чтобы превратить Сибирь в колонию, бухарский хан Абдаллах II направил в «Страну Мраков» хана Кучума с «ограниченным контингентом». В 1563 году Кучум сверг сибирского хана Едигера и подчинил Сибирское ханство себе, то есть Бухаре. Поток пушнины хлынул в Среднюю Азию.

Поход Ермака был не просто завоеванием территории, а борьбой за стратегический ресурс. В 1582 году атаман Ермак разгромил хана Кучума, и вскоре сибирский пушной трафик был решительно перенаправлен с юга на запад: вместо Средней Азии – на Русь. На Иртыше Москва победила Бухару, и Россия обрела источник валюты, который казался тогда бездонным. Даже просвещённые европейцы поверили в сказку, будто над Сибирью ходят удивительные тучи, из которых на землю потоком валятся пушные звери.

В диких дебрях тайги русская власть принялась наводить свои порядки. Добычей «мягкой рухляди» в стране соболиных ливней занимались русские промысловики-добровольцы и местные инородцы. Столицей промысла стал город Мангазея, построенный на месте тайных поморских факторий.

Пушнина приносила фантастические прибыли, поэтому государство установило строгий порядок добычи. Его жёстко контролировали воеводы. Уже в начале XVII века на всех дорогах из Сибири в Россию и в центрах промысла были учреждены заставы для сбора налогов с промысловиков. Появились караулы на реках Киртась, Сось, Казым и Куноват, таможи в Верхотурье, Тюмени, Тобольске, Сургуте, Берёзове и Обдорске. Однако народ в Сибири был отчаянный, ведь в эту глушь приходили как раз те, кому в державе оказалось тесно. Фронтир жил по принципу «закон – тайга»: нахрап, браконьерство, воровство, контрабанда, а то и смертоубийство.

Бабр – символ Иркутска

У охотников сложилась особая суровая культура промысла, появились своя этика, свои приметы и поверья. Например, считалось, что бобры бывают двух видов: «бояре» и «холопы». На охоте брать надо только «бояр», потому что они толстые и с пышными шкурами, а «холопы» – тощие и потрёпанные. Была своя промысловая терминология, непонятная чужакам: какие-то «пупки», «подчеревеси», «гагче ярцы», «недокуни» и «недопёски». Волчий хвост назывался «полено», лисий – «труба», медвежий хвостик – «пых».

БАБР – ИСЧЕЗНУВШЕЕ НЫНЕ ЖИВОТНОЕ, ВИДИМО, ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РОДА КОШАЧЬИХ, КРУПНЫЙ СТЕПНОЙ БАРС. АКАДЕМИК РЫЧКОВ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА ОПИСЫВАЛ БАБРА КАК «ОТРОДИЕ ТИГРА». ЛЮДИ ПОЛНОСТЬЮ ИСТРЕБИЛИ БАБРОВ К НАЧАЛУ XIX ВЕКА.

Промысел являлся главной статьёй получения пушнины. Второй статьёй был ясак – пушной налог с инородцев. Ясак назначали всем мужчинам от 14 до 60 лет. Учтённым и взятым под присмотр охотникам ясак назначали «окладной» – фиксированный. Размеры его зависели от местных условий. У кочевых инородцев, которых власти не могли контролировать, ясак считался «неокладным» – брали, сколько дадут. Кроме того, существовали «поминки» – дань государю, воеводам, дьякам, сборщикам, переписчикам и вообще всем, кто выступал от лица власти. Поначалу «поминки» были делом добровольным, а потом превратились в обязательный второй «оклад».

Третьей по значимости статьёй получения пушнины стала скупка мехов у инородцев. На эти торговые операции с XVII века была установлена государственная монополия. За её нарушение жулика били кнутом, сажали в тюрьму на пять-шесть недель и отбирали у него всё имущество. Купцы могли покупать пушнину у инородцев лишь в установленные дни в специальных местах: на официальных ярмарках под присмотром приказчиков.

Конъюнктура пушнины была вопросом сложным и тонким: следовало учитывать динамику поголовья зверя и вообще экономический баланс территории. Например, расчёты были

такими: пуд табака = 10 красных лисиц = 5 бобров = 44 моржовых бивня. Или: 2 белки = фунт соли; 6 белок = горноста́й; 8 белок = пуд муки; 25 белок = соболь. Или: волк = полторы лисицы = 7 оленей = 70 белок = 175 зайцев. Или: чёрно-бурая лиса = полторы бурых = 3 седых = 3 красно-бурых = 15 соболей = 20 выдр = 24 росомахи = 150 песцов = 450 горностаев. Главными мехами Сибири считались соболь, горноста́й, куница, чернобу́рка, бобр и рысь. А в середине XVIII века, когда пушные богатства начали истощаться, в цену вошли песец и белка.

Добыча пушнины и торговля пушниной постепенно разделились. Зверя били промысловики, которые жили при острогах и охотились в своих угодьях с зимовьями, а шкурки у промысловиков скупали купцы, которые с охраной объезжали остроги, держали при ярмарках подворья и снаряжали караваны по Государеву тракту. Торговые обороты росли стремительно, и довольно быстро сформировался общесибирский рынок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.